

УДК 94(479) "18/1917"

Клычников Юрий Юрьевич

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ БИОГРАФИИ АЛЕКСЕЯ ФЕДОРОВИЧА РЕБРОВА

В статье реконструируется биография выдающегося российского чиновника, помещика-новатора А. Ф. Реброва. Его судьба связана с историей освоения Россией Северного Кавказа, в чем он принял самое активное участие. Труды А. Ф. Реброва высоко ценила кавказская администрация, современники отмечали его вклад в развитие шелководства, виноделия, огородничества. Он был известен как меценат и просветитель.

Ключевые слова: чиновник, канцелярия, шелководство, виноградарство, дворянство, овцеводство, курорты, поместье.

Klychnikov Yuri Y.

THE HISTORICAL RECONSTRUCTION OF THE BIOGRAPHY OF ALEXEY PH. REBROV

In the article recreates the biography of the outstanding Russian official landowner – innovator A. Ph. Rebrov. His fate was connected with the development of the Northern Caucasus, in which he took the most active part. The works of A. Ph. Rebrov were highly valued by the Caucasian administration; contemporaries marked his contribution to silkworm breeding, vine-growing, market-gardening. He was known as the Maecenas and enlightener.

Key words: official, office, silkworm breeding, vine-growing, noble, sheep-breeding, health resorts, estate.

Алексей Федорович Ребров был выходцем из семьи небогатого чиновника. Родился он в Москве 21 февраля (5 марта) 1776 г., но, так как отец был не в состоянии содержать семейство на свои скромные средства, Ребровы перебрались в Астрахань, где Алеша, выучившийся у дядьки грамоте, в 10-летнем возрасте устроился на службу в Астраханский верховный суд. Старательный и исполнительный мальчик постепенно превратился в компетентного канцелярского работника. Его трудолюбие и тягу к знаниям заметил астраханский губернатор. В 1795 г. Алексея Реброва командировали в канцелярию кавказского генерал-губернатора графа Гудовича. Оценив таланты нового подчиненного, тот поручил ему свою личную переписку, а в ноябре того же года А. Ф. Ребров был произведен в коллежские регистраторы. Вскоре последовало новое ответственное поручение – его назначили секретарем собственной канцелярии генерал-губернатора [1].

Сменялись начальники Кавказского края и командующие Кавказской линией, но каждый раз новый руководитель по достоинству оценивал профессиональные качества А.Ф. Реброва, которому доверялись самые разные ответственные поручения [2]. Вместе с генерал-лейтенантом Кноррингом он побывал в Закавказье и там был удостоен внимания брата грузинского царя, который подарил ему дорогой перстень. Заслуженной наградой стало произведение А. Ф. Реброва в должность губернского секретаря в 1800 г., а вскоре и в титулярные советники.

Между тем Кавказ стоял на пороге знаменательнейших событий. При дворе Павла I, а затем и его сына Александра I шло обсуждение непростого для России вопроса – принимать или нет в свой состав Грузию. Многое здесь зависело от той объективной и подробной информации, которую давала местная российская администрация. Выбор был сделан в пользу включения Картли-Кахетинского царства в состав империи. Примечательно, что Карл Федорович Кнорринг должен был выступать перед Государственным Советом, созданным по этому поводу на экстренное совещание. Однако плохо владея русским языком, он просил дозволения изложить необходимые доводы своему секретарю. А. Ф. Ребров оказался настолько убедителен, что, несмотря на отрицательное отношение к задуманному со стороны большинства членов Совета, он убедил императора присоединить Грузию к России [1, с. 10].

Среди награжденных по этому случаю российских чиновников упоминается и Ребров. За проделанную работу Алексею Федоровичу был пожалован 19 сентября 1801 г. чин коллежского асессора, он получил 200 душ крестьян. В дальнейшем он обрел дворянство и был вписан в Дворянскую родословную книгу Кавказской губернии [3]. В части третьей под номером тринадцать значится: «Ребров, надворный советник, губернский предводитель дворянства Алексей Федорович,

31 декабря 1814 г. по полученному 19 сентября 1801 г. чину коллежского асессора (143 муж., 140 жен.)» [4]. За эту грамоту А. Ф. Ребров заплатил внушительную по местным меркам сумму в 100 рублей серебром.

Немаловажно еще и то, что во время поездки в Грузию он имел возможность сблизиться с одним из братьев государя, который в знак своего расположения подарил ему перстень со своей руки [1, с. 11].

Специфика службы на Кавказе была такова, что даже люди, не являющиеся военными, вынуждены были иногда принимать участие в боевых операциях, разделяя опасности со своими армейскими соратниками. Карьера А. Ф. Реброва исключением не являлась. Вместе с Кноррингом он побывал в Кабарде, где вспыхнул мятеж против российской власти. Но, видимо, этому энергичному и самостоятельному человеку хотелось заняться собственным делом. Вскоре А. Ф. Ребров вышел в отставку, причем, продолжая выполнять эпизодические задания кавказской администрации, например, готовить отчет о суммах главнокомандующего по личному распоряжению генерал-фельдмаршала графа Гудовича.

Отставка длилась недолго, и по распоряжению императора опытного чиновника назначили советником Кавказского губернского правления, присвоив ему чин надворного советника. Пробыв на этом посту три года, он вновь подал в отставку, но кипучая натура не давала А. Ф. Реброву ограничиваться только ведением собственного хозяйства. В 1812 г. его избрали предводителем дворянства Кавказской губернии и через четыре года наградили орденом Святого Владимира 4-й степени. Находясь на этом ответственном посту, он, в соответствии с императорским указом, мобилизовал местное дворянство на организацию ополчения для борьбы с наполеоновской агрессией. Решено было «с помещичьих крестьян и дворовых людей здешней губернии поставить с десяти душ одного конного ратника, с потребным вооружением и продовольствием» [5]. В дальнейшем правительство решило приостановить созыв ратников, но повелело собрать средства на военные нужды и отправить в армию дополнительных рекрутов. И тогда «собрание дворянства постановлением 16-го октября определило пригласить гг. дворян к пожертвованию Отечеству... тою суммою, какая предполагалась на составление ополчения...» [5, Л. 1 – 1 об.]. Все собранные средства А. Ф. Ребров тщательно фиксировал, а заодно ходатайствовал перед Кавказским губернатором о тех жертвователях, которые особенно отличились на этом поприще.

Когда союзные войска заняли Париж, Алексей Федорович организовал 10 мая 1814 г. торжественный обед, на котором были собраны пожертвования для нужд раненых русских воинов. Как гласил отчет, «по совершении в сей день соборного служения Божественной Литургии, было после оной приносимо Господу сих благоденственное с коленопреклонением молебствие, и при возглашении многолетия Его Императорскому Величеству и всей Августейшей фамилии с крепости произведена была пушечная пальба 101 выстрелом.

После чего из церкви как духовные, так и военные и гражданские чиновники отправились по приглашению к губернскому предводителю дворянства, который от лица всего дворянства давал обеденный стол и потом угощение в нарочно приготовленном для того лагере. Число приглашенных к столу особ было более 100. В продолжение стола и всего дня играла инструментальная музыка. При питии же за Высочайшее здравие Всемилостивейшего Государя, всего Августейшего Дома и храброго российского воинства паки была производима пушечная пальба. В ознаменовании же радости и принимаемого в оной искреннего участия, присутствовавшие в сем собрании, внесли в пользу раненых под Парижем воинов 880 руб. кои и отправляются куда следует.

Стечение народа и паче из кабардинцев и других горских народов при сем случае было довольно многочисленное, и сие торжество приметно произвело в них сильное впечатление» [5, Л. 8 – 8 об.]. Воистину это была общая победа и общая радость!

Заметный след в жизни А. Ф. Реброва оставил Алексей Петрович Ермолов. Тонко разбиравшийся в людях новый командир Отдельного Грузинского корпуса и управляющий по гражданской части на Кавказе [6] высоко ценил его деловые и человеческие качества, отчего и поручал ему весьма ответственные дела.

В письмах к Петру Андреевичу Кикину, А. П. Ермолов писал: «Ты найдешь в нем человека весьма умного, и, конечно, о Кавказской области никто более основательнейших сведений не имеет». И в другом письме характеристика А. Ф. Реброва была не менее лестной: «Ты найдешь в нем хороший, основательный ум и лучшие о крае сведения. Это живой архив» [7]. Управляющий пред-

ставил его к ордену Святой Анны 2-й степени, и в 1819 г. Алексей Федорович получил чин коллежским советником.

Именно А. Ф. Реброву «проконсул Кавказа» поручил собирать сведения о местных народах и землях Кавказского края. Шла интенсивная подготовка к размежеванию земель, и здесь опыт А. Ф. Реброва был незаменим. Заслуги его были оценены по достоинству, и в 1821 г. он был награжден орденом Святого Владимира 3-й степени, а на следующий год по высочайшему повелению был назначен чиновником по особым поручениям при главнокомандующем на Кавказе. К числу проектов, подготовленных А. Ф. Ребровым по поручению А. П. Ермолова, относят «Положение об управлении Кавказской областью», «Правила о наделении казачьего линейного войска землями», «Правила устройства Кавказских Минеральных Вод хозяйственным образом», «Положение об управлении магометанскими инородцами и калмыками, кочующими в ставропольской губернии» [11, с. 14].

Обращает на себя внимание особая щепетильность чиновника в вопросах чести. В свое время крестьяне богатого селения Маслов Кут просили его выкупить их имение и даже готовы были заплатить самостоятельно половину суммы. Но «он отказался от приобретения этого богатого имения, из опасения, чтобы враги Ермолова не сказали, что служивший при нем чиновник приобрел на службе, под его началом, такие деньги и мог купить столь большое селение» [1, с. 18].

По поручению «проконсула Кавказа» занялся А. Ф. Ребров такой непростой и запутанной проблемой, как положение ясырей. Подготовленная им докладная записка была отмечена Иваном Федоровичем Паскевичем, сменившим А. П. Ермолова. В рапорте Правительствующему Сенату от 5 июня 1828 г. он писал: «Предместник мой, по доходившим к нему жалобам от разных поселившихся в Кавказской области азиатцев на присутственные сей области места, которые при разборе дел, оттискивающих свободы разного происхождения людей, руководствуясь Российскими законами, отсуждали сих людей из их владений в казну, и по поводу указа Сената, от 18-го октября 1818 года, коим, вследствие рапорта бывшего Кавказского губернского прокурора на счет таковых дел требовано было от ген. Ермолова по сему предмету мнение, – поручал находившемуся при нем С. С. Реброву, собрать о всех принадлежащих азиатцам по Кавказской области ясырях с присовокуплением соображений с общими законами и постановлениями, в других губерниях и областях на людей подобного рода существующими.

Вследствие чего Ребров доставил составленные им о таковых людях именные списки, сведения, из коих они почерпнуты, и особую записку, заключающую в себе извлечения из законов и распоряжений местного начальства, относящихся до азиатских ясырей, и предположения, которые на счет сего класса людей признаваемы им были приличными.

По вступлении моем в управление здешним краем, найдя дело сие нерассмотренным и по важности оного признав его заслуживающим особенных местных соображений, я препроводил, от 13-го мая 1827 года, все доставленные Ребровым бумаги к начальнику Кавказской области для рассмотрения оных... на рассмотрение Областного совета, с тем, чтобы он, вникнув в права владельцев означенных ясырей, в существующие законы и в местные обстоятельства Кавказского края, изложил по сему предмету его мнение и доставил бы оное ко мне через посредство начальника Кавказской области». Когда указанное поручение было выполнено, И. Ф. Паскевич представил его «на благорассмотрение Правительствующего Сената», признав проделанную работу и мнение Кавказского областного совета, опиравшееся на материалы, подготовленные А. Ф. Ребровым «самым основательным» [8].

После отставки А. П. Ермолова, симпатия к которому, видимо, заставляла А. Ф. Реброва оставаться на службе, он решил окончательно сосредоточить все свое внимание на ведении собственного хозяйства. Пожелание Алексея Федоровича было удовлетворено не сразу, и лишь в июне 1830 г. он получил отставку. За свои заслуги А. Ф. Ребров удостоился монаршего благоволения и получил пенсию в размере 250 руб. серебром в год [9]. Теперь вся энергия и талант Алексея Федоровича сосредоточились на занятии сельским хозяйством и предпринимательством, где он добился впечатляющих успехов.

Приданое жены Александры Ивановны, в девичестве Савельевой, и собственные скромные сбережения позволили А. Ф. Реброву сделаться достаточно преуспевающим по местным меркам помещиком. В 1844 г. у него было 13 150 десятин земли в Кизлярском и Пятигорском округах и 289 душ крестьян [10]. Принадлежавшее семье Ребровых селение Владимировка Пятигорского

округа стало для Алексея Федоровича настоящим «испытательным полигоном», где он добился выдающихся достижений в виноградарстве, огородничестве, шелководстве.

Как писал в 1839 г. французский ученый-путешественник Гомер, «проезжая по западным степям Каспия, я нашел одно из прекраснейших поместий на реке Куме – село Владимировку. Тут видна широкая и разумная мысль во всем расположении этого имения. Солончаки, топкие и недоступные к возделыванию земли, превращены посредством канав в шелковичные плантации и виноградные сады. Подъезжая к этому оазису, расположенному вдали от всякого поселения, видишь вершины американских и итальянских тополей, как великанов на страже степи. Здания мелькают между деревьями. Еще ближе, и вам представляются белые акации, прикрывающие террасы и колонны с балконами двухэтажного дома, принадлежащего хозяину имения» [11].

Сам помещик в докладной записке представленной Кавказскому статистическому комитету в 1840 г. описывал Владимировку следующим образом: «Основание сего поселения относится к 1770 году, но и тогда и теперь оно есть последнее поселение русских на окраине степей, прилегающей смежностью к народам кочевым: с правой стороны племен магометанских ведомства кавказского; с левой калмыками ведения управления Астраханского. С соседней сему имению дачей Бургонь-Маджары, принадлежащую помещику Скаржинскому, оканчивается цепь возвышений, тянувшейся по правой р. Кумы стороне около 100 верст, начиная от села Отказного. С чертою дачи Владимировки начинается во все стороны низменная плоскость, большею частью безводная, не пересекаемая ни возвышениями значительными, ни реками, исключая и Маныча, да и то в расстоянии около 100 верст по равнине степи Калмыцкой... Кавказская область, взяв с ее крепостей прежних и новых, не представляет и в городах роскошного зодчества зданий каменных. В самом областном городе нет 10-ти частных каменных домов; в Пятигорске – 6, в Георгиевске – 3, в Моздоке и Кизляре – ни одного; в больших имениях помещичьих, где с лишком по 1000 десятин, то же. Но и в этом отношении преимуществом перед другими селениями Владимировка, где два дома помещичьих каменных, один двухэтажный; магазины, помещения для шелководства и 7 погребов со сводами для хранения вина тоже кирпичные – и вес мастеровыми домашними и без архитектора» [3, с. 45].

А вот какие впечатления оставила Владимировка у французской путешественницы Адель Оммер де Гель, побывавшей здесь в том же 1840 г.: «Но каждое мгновение приближало нас к Владимировке, и уже перед глазами чистые воды Кумы и рощицы, покрывающие ее берега, сменили засушливые пески, театр нашей кочевой жизни, и объявили нам о появлении местности, щедро одаренной природой. Пейзаж, открывшийся нашему взору, был полон самобытной красоты и тем более удивителен для нас, что за долгое время пути мы отвыкли от привлекательного вида плодородной деревни.

Напротив, на склоне, элегантное жилище с двумя башенками по бокам и надстроенным бельведером, возвышающимся над деревьями, внезапно напомнило нам Европу, которая как бы вновь появилась перед нашими глазами между Каспийскими пустынями и горами Кавказа, первые вершины которого уже вырисовывались на горизонте.

Позади нас – кочевья калмыков и караваны верблюдов, – по мере удаления они казались мيراжом, столь частым в пустыне. Слева, на склоне, немного ниже дворянского дома живописно расположилась деревня, до самых берегов Кумы она спускалась амфитеатром, и можно было заметить фабрики, дома, отделенные один от другого плантациями тутовых деревьев, орешником и пирамидальными тополями, уже слегка окрашенными оттенками наступающей осени. Все это изобилие, созданное будто по волшебству, открылось перед нашими глазами как великолепное вознаграждение за прошлые тяготы. ... Владимировка – одна из самых прелестных усадеб, когда-либо виденных мною в России» [12].

Как уже видно из воспоминаний, для обеспечения бесплодных земель водой А. Ф. Ребров приказал прорыть каналы, устроить мельницы, посадил лес и на бывших солончаках развел сады и виноградники. Не скупясь на средства, он приглашал к себе опытных специалистов из Франции – знатока столовых вин Анго, винодела шампанского Тилье. Не удивительно, что продукция А. Ф. Реброва стала известна далеко за пределами края, принося доход своему производителю. Особо ценилось шипучее вино, названное в честь Алексея Федоровича, – «Ребровское полушампанское».

Как писала цитируемая выше Адель Оммер де Гель, «каждый год он отправляет в Москву, по крайней мере, 2 тысячи бутылок, из расчета продать каждую за 4 рубля. ... Его сады наполнены

всеми европейскими фруктами, множеством сортов винограда, что приносит ему большую прибыль. Среди сортов винограда я отметила Шираз – без косточек и очень нежный. Я также не должна забыть его восхитительное вино «Глаз куропатки», которое нам подавали каждый день на десерт к великому удовольствию фабриканта. Ничто так не льстило его самолюбию, как слышать наши сравнения его вин с лучшими марками вина Франции, которое мы делали с первого до последнего дня нашего пребывания у него. Позже наш энтузиазм несколько остыл, но, все равно, наш хозяин не оставлял малейшей возможности нас убедить в том, что его вино может составить конкуренцию всему лучшему, что производит Шампань» [12, с. 254–255].

Не привыкший ограничиваться только собственными интересами, Алексей Федорович разработал правила для обучения училищу виноделия в Кизляре, стремясь поделиться накопленным опытом со всеми желающими.

Занимаясь разведением огородных культур, А. Ф. Ребров вывел новый сорт лука. Величиной с кулак, он по своим вкусовым качествам превосходил все местные сорта. Необычного синего цвета, «ребровский» лук мог долго храниться и за это пользовался большим спросом на городских рынках не только Северного Кавказа, но даже Москвы [11, с. 83].

Немало сил приложил деятельный помещик для производства шелка. Во Владимирове к 1828 г. существовало «шелкомотательное заведение», позволявшее хозяину продавать два-три пуда шелка ежегодно. Его продукция отличалась качеством и оценивалась в 400–450 руб. [13]. Она могла конкурировать «с самыми лучшими шелками Прованса» [12, с. 254].

Чтобы вывести улучшенную породу шелкопряда, А. Ф. Ребров выписал из Пекина в 1836 г. червей породы Сина и, тщательно отбирая коконы, отличающиеся своей белизной, выкармливая червяков особой белой шелковицей, добился того, что его коконы, стали качественнее китайских. Но на этом деятельный помещик не остановился и для сравнения выписал «семена» этого сорта из Франции, убедившись, что его продукция ни в чем не уступает европейской [14. Л. 4–4 об.]. Свой товар А. Ф. Ребров с успехом реализовывал в Москве, Нижнем Новгороде, Санкт-Петербурге [14. Л. 1].

По данным на 1842 г. из 668 жителей Владимирки в изготовлении шелка было задействовано 435 человек. Сознавая, что занятие шелководством требует высококвалифицированных, грамотных работников, Алексей Федорович открыл специальную школу на 40 мест. Недаром из Владимирки вышли известные мастера по производству шелка, такие как Михаил Ольгин, Николай Медведев. Последний позже станет даже управителем шелкомотательной фабрики в Ташкенте [11, с. 83].

Стремясь распространить полученный опыт, помещик-энтузиаст приглашал для бесплатного обучения учеников из Императорского Московского общества сельского хозяйства, Общества Южной России. Он просил Кавказского гражданского губернатора барона М. М. Таубе «приказать сделать известным между помещиками, поселенными казачьими войсками, и поселянами здешней области... не рассудит ли кто и из них прислать в заведение мое в слободе Владимирка на реке Курме состоящее учеников для изучения улучшенному шелководству; или же хотя самих коконов шелковых, у них производимых, для размотки за умеренную плату; либо же самой продажи коконов в заведение мое, если бы кто затруднился или не похотел размотать оные» [15. Л.1–1 об.].

Им была сконструирована машина для размотки шелка, которая по оценке специалистов была «признана могущею доставить большие выгоды» для отечественного шелководства. Император Николай I, будучи на выставке, устроенной в Ставрополе, обратил внимание на ребровский шелк и дал ему лестную оценку, сказав, что «мы в этом спорим с французами» [14. Л. 9 об.].

Но на самом деле кавказскому шелководству было далеко до французского, о чем говорил и сам А. Ф. Ребров, приводя соответствующие статистические данные [14. Л.11 об., 12 об.]. Несомненные успехи самого Алексея Федоровича ситуации изменить не могли [14. Л. 12]. Он с горечью должен был констатировать, что «отрасль сия при всех поощрениях правительства здесь не расширяется, не улучшается – сие должно отнести уже к той степени соревнования вообще хозяев шелководцев в кавказской области, у которых продукт сей, как и другие, находится на низкой степени и продается в трое, дешевле моего, а при всем том никем не принята даже безвозмездная готовность моя, не раз чрез начальство изъявленная, изучать правильному уходу за червями и улучшенной размотке шелку. Только в опекунство мое над Масловым Кутом, в 1836 г. вызвал я согласие покойного помещика взять на 3 месяца 5 девочек и мальчиков из детей, коих отцы бежали в Анапу, но и те не оказали ни охоты, ни способности, так же, как и ученики казенные из Крыма и Кизляра» [14. Л. 14–14 об.].

Крепостной подневольный труд явно показывал свою несостоятельность, а помещики в большинстве своем не желали утруждать себя хозяйственными проблемами и вести капиталистическое хозяйство. В качестве примера вопиющего равнодушия А. Ф. Ребров приводил свидетельство того, как «в 1839 г. от Министерства Финансов из департамента мануфактур и торговли прислано ко мне 25 экземпляров описания с чертежами д'Арсетова садка, введенного во Францию для удобнейшей и прибыльной выкормке червей. На меня возложено снабдить сими книжками любителей шелководства... Цена тетрадки назначена 2 р. асс. Разослав к 22 предводителям дворянства и градским главам экземпляры для снабжения желающих, я от некоторых получил их в возврат, с отзывом, что никто желания не изъявил!

Впоследствии из того же департамента доставлена ко мне и модель сего садка, приготовленная в Технологическом институте для приспособления по ней шелководных помещений. Существенная выгода сего садка в том состоит, что устроив по нем здания, и при тщательном выполнении порядка во время питания червей, можно из того же количества семян, какое выпускается, получать вдвое коконов... я известил Г. Г. шелководов чрез их начальство, приглашал пожаловать ко мне в заведение, где свои помещения червеводные приспособляю сколько удобство позволяет к сему садку, но и на сие никто не изъявил желания» [14. Л. 6–6 об].

Авторитетнейшее французское Королевское общество шелка признало продукцию А. Ф. Реброва лучшей в Европе. Вопреки мнению о том, что нет пророка в своем Отечестве, заслуги Алексея Федоровича были отмечены и в России. В 1832 г. его избрали членом Императорского Московского общества сельского хозяйства, а весной 1834 г. А. Ф. Реброва награждает Императорское Московское общество испытателей природы. В июне 1834 г. на сельскохозяйственной выставке ребровский шелк получает высокую оценку специалистов, и его изготовитель удостоивается золотой медали с надписью «За труды». Когда в декабре 1850 г. состоится торжественное собрание Московского общества сельского хозяйства, его участники примут решение поместить в зале заседаний портрет Алексея Федоровича, как одного из первых шелководов страны.

За что ни брался вездесущий помещик, везде он становился примером для подражания. Видя перспективность развития на Кавказе овцеводства, он немало усилий приложил для того, чтобы вывести регион в этом деле на качественно новый уровень. Долгое время здесь выращивали обычных овец в основном «трушнянской» породы [16]. А. Ф. Ребров решил попробовать завести тонкорунных овец-мериносов, для чего в 1813 г. приобрел несколько племенных «шпанских овец». К 1828 г. в его хозяйстве насчитывалось уже 200 мериносов и такое же число «ублюдков» [17]. За подвижнические труды Московское общество улучшения овцеводства сделало в 1832 г. А. Ф. Реброва своим членом. Выращивал помещик и лошадей. Его кони арабской породы поставлялись в воинские части [11, с. 83].

Остается поражаться успехам Алексея Федоровича, если вспомнить, в каких непростых условиях ему приходилось действовать. В любой момент набеги горских «хищников» могли привести к разорению и гибели его хозяйства. Так, «в 1835 году 60 черкесов, искушенных соблазном богатой наживы, спустились с гор с намерением разграбить и разорить Владимировку. Напав ночью, как настоящие бандиты, они хотели пленить небольшое население деревни и думали, что не встретят никакого сопротивления. Но Ребров, несмотря на то, что в течение многих лет жил в безопасности, никогда не питал иллюзий насчет своего положения и рано или поздно ждал нападения. В этом убеждении он взял за правило всегда быть настороже, чтобы расстроить планы своих ужасных соседей. Два рукава Кумы служили укреплениями для деревни и помещичьего дома. Небольшой редут, две пушки на лафетах в окрестностях и большое количество военных, собранных в комнате первого этажа со всеми необходимыми боеприпасами, чтобы продержаться на осадном положении, давали ему возможность быть почти уверенным в отражении любой атаки, какой бы грандиозной она ни была. Каждую ночь два часовых дежурили до утра, соблюдая осторожность, которая казалась бесполезной и которая спасла Владимировку от полного уничтожения.

Черкесы, ничего не зная об этих предупредительных мерах, вошли в деревню в полной уверенности, что никто не подозревает об их приближении. Но военный сигнал был уже дан, и все население Владимировки внезапно поднялось и было готово к битве. Рабочие и прислуга взялись за оружие, подняли мосты, оба орудия зарядили картечью, поместье превратилось в настоящую крепость; все это было сделано с такой быстротой, что, когда черкесы появились на берегу реки, защита деревни была организована прекрасно; но это все же не помешало им пересечь Куму вплавь и на

лошадях. Ребров во главе своего небольшого отряда неутомимо командовал огнем и отражал атаки осаждающих. Три или четыре атаки были безрезультатными. Все точки настолько хорошо охранялись и все люди настолько храбро исполняли свой долг, что на рассвете черкесы ретировались. Но, разъяренные таким отступлением – без славы и добычи, они предали огню деревню и окрестные места» [12, с. 254–255].

Имя А. Ф. Реброва неразрывно связано с кавказскими курортами Пятигорья. Еще в 1798 г. участвуя в экспедиции генерала Маркова, юный секретарь побывал на Кислых водах [10, с. 7]. В дальнейшем он внес свою немалую лепту в благоустройство этих мест. А. Ф. Ребров составил правила устройства Кавказских минеральных вод хозяйственным образом. Неподалеку от Горячей горы, близ минеральных источников дальновидный предприниматель возводит дом, который по достоинству оценили многие именитые путешественники, побывавшие на молодом курорте [18]. В 1823 г. возводится усадьба близ источника нарзана, знаменитый, прославленный М. Ю. Лермонтовым «Дом княжны Мери» [10, с. 4–8]. Среди гостей дома А. Ф. Реброва были зодчий С. И. Уптон, кавказские наместники М. С. Воронцов, А. И. Барятинский [19]. Появляется особняк в самом центре Ставрополя, куда А. Ф. Ребров перевозит свою библиотеку и картины.

Для благоустройства курортов А. Ф. Ребров не жалел саженцев, которые завозил из Владимировки. Знаменитый Кисловодский парк был основан благодаря его стараниям [6, с. 79]. И первый памятник Кисловодска – каменный крест, воздвигнутый на горе Крестовой в 1848 г., это тоже заслуга Алексея Федоровича [10, с. 7].

Государственная служба не оставляла А. Ф. Реброва. В 1835 г. он становится членом Кавказского областного статистического отделения и членом-корреспондентом статистического отделения при Министерстве внутренних дел. Тогда же его награждают орденом Святого Станислава 2-й степени со звездой за его заслуги на пользу отечественной промышленности. Кавказское дворянство, ценившее деловые качества Алексея Федоровича, в 1841 г. в очередной раз выбирают его в качестве своего предводителя. Именно А. Ф. Ребров принял активное участие в борьбе с саранчой, которая обрушилась на Пятигорский округ из соседнего Кизлярского. В 1850 г. он становится членом Кавказского общества сельского хозяйства, через три года членом Императорского Вольно-экономического общества, Императорского Русского географического общества.

Но годы брали свое. В конце жизни А. Ф. Ребров окончательно перебирается в Пятигорск и Кисловодск. К тому времени это были уже хорошо известные и достаточно благоустроенные курорты, в чем, безусловно, была немалая заслуга Алексея Федоровича. Умер он 23 октября 1862 г. в Пятигорске и был похоронен предположительно в склепе Лазаревской церкви.

Литература

1. Юрьев Н. И. Материалы для биографии Алексея Федоровича Реброва // Третьи Ребровские музейно-краеведческие чтения 17–18 февраля 2011 года. Часть I. Материалы для биографии А.Ф. Реброва. Вып. I. / под ред. Ю. Ю. Клычникова. Кисловодск, 2012. С.9.
2. Орудина Л. Г. У порога синих гор: Исторические очерки. Ставрополь, 1983. С.99.
3. Коваленко А. Н. Алексей Федорович Ребров (К 225-летию со дня рождения) // Ставропольский хронограф на 2001 год. Краеведческий сборник. Ставрополь, 2001. С.43.
4. Цит. по: Шевченко Г. А. На земле предков. Страницы истории Кавказских Минеральных Вод. Пятигорск, 2003. С.22.
5. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 87. Оп. 1. Д.307. Л. 1.
6. Клычников Ю. Ю. Деятельность А. П. Ермолова на Северном Кавказе (1816–1827). Ессентуки, 1999.
7. Письма А. П. Ермолова к П. А. Кикину (1817–1832) // Русская старина. 1872. Т. VI. Ноябрь. С. 507.
8. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Тифлис, 1878. Т. VII. С.933–937.
9. Клычников А. Ю., Клычников Ю. Ю. Алексей Федорович Ребров: страницы биографии. Пятигорск, 2011. С. 36.
10. Кисловодск в исторических документах. 1803–1917. Сборник документов. Ставрополь, 1997. С. 173.
11. Цит. по: Ясинов В. Владимировка – усадьба Реброва // Земля ставропольская. Альманах «Памятники отечества» № 48. М., 2001. С. 82.
12. Соснина Е. Л. Два путешествия в серебряный век. Пятигорск, 2003. С. 252–254.
13. Фадеев А. В. Россия и Кавказ в первой трети XIX века. М., 1960. С. 45.
14. ГАСК. Ф. 79. Оп. 2. Д. 489.
15. ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 289. Л. 1-1 об.

16. Гриценко Н. П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой половине XIX вв. Грозный, 1961. С. 47.
17. Клычников Ю. Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск, 2002. С. 138.
18. Недумов С. И. Лермонтовский Пятигорск. Ставрополь, 1974. С. 10, 15.
19. Польская Е. Б., Розенфельд Б. М. Дорогие адреса. Ставрополь, 1974. С. 21.

УДК 940.1 (410)

Крючкова Наталья Дмитриевна

ИДЕЯ ЖЕНСКОЙ ЦИВИЛИЗАТОРСКОЙ МИССИИ НА РАННЕМ ЭТАПЕ БРИТАНСКОЙ ИМПЕРСКОЙ ЭМИГРАЦИИ (30–50 ГОДЫ XIX В.)

В статье рассматривается формирование концепции женской цивилизаторской миссии в ранневикторианский период. Идея женского морального влияния, основанная на доктрине разделенных сфер и эволюционистских воззрениях эпохи, открывала имперское пространство для женщин. В фокусе внимания автора оказываются существующие в викторианскую эпоху дискурсы о женской эмиграции, которые анализируются с точки зрения концепта «цивилизаторская миссия».

Ключевые слова: цивилизаторская миссия, женская эмиграция, имперское пространство, колонизация, эмиграционная пропаганда.

Kryuchkova Natalia D.

THE IDEA OF FEMALE CIVILIZING MISSION IN EARLY STAGE OF BRITISH IMPERIAL EMIGRATION (30-50-s OF THE XIX-th c.)

The article deals with the formation of the conception of women's civilizing mission in the early-Victorian period. The idea of female moral influence, based on the doctrine of «separate spheres» and evolutionary beliefs of the epoch, opened the imperial space for women. The author focuses on the Victorian discourses on female emigration, that are analyzed in terms of the concept of «civilizing mission».

Key words: civilizing mission, female emigration, imperial space, colonization, emigration propaganda.

В последние несколько десятилетий тема «женщины и империи» утвердила свое место в историографии. Интеллектуальная изоляция исследователей женской истории и историков империи начала разрушаться после выхода «Ориентализма» Э.Саида, работы, которая привлекла внимание сторонниц феминистского подхода к колониальному дискурсу. К настоящему времени накоплен богатый опыт в области изучения проблем взаимоотношений европейских и туземных женщин, связи колониализма и феминизма, в исследовании транснациональных аспектов суфражистского движения [4; 11].

Логичным результатом усилившегося интереса со стороны ученых к проектам, связанным с гендером и империей, стало проведение научных исследований того, что составляло самую востребованную часть женской активности в империи – организации женской эмиграции в колонии и доминионы. Джулия Буш называет организованную внутриимперскую эмиграцию одной из успешных историй женского империализма» [5, р. 146]. Исследования по женской эмиграции, в отличие от многих других работ по проблеме гендер-империя, сконцентрированы не на Азии и Африке, а на Канаде, Австралии, Новой Зеландии и Южной Африке, составляющих основные миграционные маршруты конца XIX – начала XX вв.

«Белые» переселенческие колонии представляли собой менее проблематичное пространство для включения женщин. Прежде всего, они не завоевывались и их существование не полагалось на военную силу. Контакты с туземным населением часто были опосредованными, по крайней мере, европейцы не ощущали себя изолированным меньшинством, окруженным туземцами. Населенные европейцами или непосредственно англичанами, имеющие схожий с Британией климат эти колонии менее драматично контрастировали с метрополией. Чаще всего они представлялись как продолжение дома, как «другая Англия».

Исследования эмиграции женщин в колонии и доминионы самым тесным образом связаны с разработкой проблемы идеологии женского империализма. На этот феномен обращают внимание